

Бурмакина Наталья Алексеевна

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ А.П. СТЕПАНОВА

Специальность 10.02.01. – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тюмень 2007

Работа выполнена на кафедре общего языкознания
ГОУ ВПО
«Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Научный руководитель –

Фельде Ольга Викторовна,
доктор филологических наук, профессор
(ГОУ ВПО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»)

Официальные оппоненты –

Рут Мария Эдуардовна,
доктор филологических наук, профессор
(ГОУ ВПО «Уральский государственный
университет им. А.М. Горького»)

Пономарева Ольга Борисовна,
кандидат филологических наук, доцент
(ГОУ ВПО «Тюменский государственный
университет»)

Ведущая организация –

**ГОУ ВПО
«Сибирский федеральный университет»**

Защита состоится «   » октября 2007 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тюменского государственного университета. Автореферат диссертации размещён на официальном сайте Тюменского государственного университета: [http:// www.utmn.ru](http://www.utmn.ru)

Автореферат разослан «   » сентября 2007 года.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

С.М. Белякова

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование выполнено в рамках лингвистической персонологии и посвящено изучению лингвокогнитивного и прагматического уровней языковой личности первого енисейского губернатора А.П. Степанова (1781 – 1837).

Актуальность темы. Разработка теории языковой личности (далее – ЯЛ) относится к числу актуальных задач современного языкознания. Анализу подвергаются индивидуальные и социальные проявления языковой личности, её ценностные предпочтения. Источниками исследования при этом являются созданные индивидом устные и письменные тексты. В настоящее время определены основные аспекты изучения ЯЛ (полидиалектной или типичной и идиолектной или творческой) (Ерофеева, 1990; Иванцова, 2002; Караулов, 1987; Лютикова, 2000; Нерознак, 1996 и др.). Исследования многомерного понятия ЯЛ осуществляется с точки зрения разных подходов: *теоретико-методологического* (Богин, 1984; Караулов, 1987; Иванцова, 2002 и др.); *психолингвистического* (Пушкин, 1992; Дымарский, 1995 и др.); *социолингвистического* (Крысин, 1994; Алефиренко, 1993 и др.); *лингвокогнитивного* (Богомолов, 2005; Катышев, Паули, 2006; Осипова, 2005; Ясинская, 2004); *лексикографического* (Иванцова, 2005; Лютикова, 2000; Тимофеев, 1971). В рамках *комплексного* подхода ЯЛ трактуется в единстве проявлений *индивидуального* и *социального*, *психологического* и *социального* (Захарова, 1967; Иванцова, 2002; Седов, 1994; Сулименко, 1994; Соколова, 1994). Языковую личность изучают в *психопоэтическом* (Богомолов, 2005), *национально-культурном* и *социокультурном* (Прохоров, 1999), в *сравнительно-сопоставительном* (Заболотнева, 1999) и в *аксиологическом аспектах* (Катышев, 2005).

Во многих научных трудах предпринят анализ языка *исторических личностей*. В частности, объектом исследования являлись языковые личности Фукидида (Армина, 1994), А.М. Курбского (Калугин, 1999), Петра I (Гайнуллина, 1995), Ивана Грозного (Попова, 2004) и некоторых др. Актуальность подобных работ обусловлена стремлением воссоздать относительно целостную языковую картину мира выдающихся личностей прошлых эпох, необходимостью глубже познать их внутренний мир.

Методологической базой диссертации являются труды Ан. Вежбицкой, Е.В. Иванцовой, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.Д. Лютиковой, М. Минского, А.Д. Шмелёва и др.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, необходимостью дальнейшего усовершенствования методологии реконструкции языковой личности; во-вторых, потребностью воссоздать языковую картину мира творческой личности XIX в.; в-третьих, важностью решения проблемы регионального языкового существования человека; в-четвёртых, необходимостью реализации лингвокогнитивного подхода к анализу фрагментов индивидуальной картины мира языковой личности исторического деятеля, что позволяет выявить духовные и утилитарные ценности индивида и соотнести их с ценностями эпохи.

Объектом диссертационного исследования является языковая личность первого гражданского губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова. Рождённый на стыке двух культурных парадигм – классицизма и сентиментализма, он в своём многогранном творчестве отразил мировидение людей своего времени. Факты биографии А.П. Степанова свидетельствуют о том, что он в равной степени уделял внимание государственной службе и литературному творчеству. В разные годы он служил в департаменте юстиции, занимал должность калужского прокурора (1804-1812 г.), участвовал в Отечественной войне 1812 года. На становление личности А.П. Степанова оказали влияние П.И. Багратион и генералиссимус А.В. Суворов, адъютантом которого он являлся в альпийском походе. В 1823 г. Александру Петровичу присвоили чин действительного статского советника и назначили первым гражданским губернатором

образованной Енисейской губернии. Это назначение произошло не без участия поэта-сентименталиста, а также сенатора и управляющего делами Сибирского комитета И.И. Дмитриева, с которым А.П. Степанов служил при министерстве юстиции, и Г.С. Батенькова, который был знаком с А.П. Степановым как членом «Вольного общества любителей российской словесности» (с 1816 года). Под руководством губернатора А.П. Степанова в Енисейской губернии заметно оживилась культурная жизнь. При его участии в Красноярске было открыто краеведческое общество «Беседы о Енисейском крае», основано общество «Литературные беседы», вышел в свет «Енисейский альманах на 1828 год», в котором были напечатаны три произведения самого губернатора. За свои труды А.П. Степанов был удостоен ордена святого Станислава I степени. Он оказывал посильную помощь ссыльным декабристам. Как полагают историки, они помогали А.П. Степанову в сборе географических и этнографических материалов о Енисейской губернии. Сведения декабристов, а также отчёты А.П. Степанова о поездках по губернии легли в основу двухтомной книги очерков «Енисейская губерния» (1835 г.). В этом же году А.П. Степановым был издан роман «Постоялый двор», в основу которого положены автобиографические сведения. С 1835 г. по 1837 г. А.П. Степанов исполнял должность гражданского губернатора Саратовской губернии, а перед кончиной был назначен членом совета при статистическом комитете Министерства внутренних дел.

Предметом настоящего исследования являются способы вербализации ценностных концептов «Красота» и «Польза» в индивидуальной языковой картине мира (далее – ИЯКМ). Именно эти концепты с наибольшей полнотой отражают эстетические и утилитарные представления енисейского губернатора. Кроме того, нами рассматриваются прецедентные тексты как художественные ценности ЯЛ А.П. Степанова.

Цель работы – определить особенности лингвокогнитивного и прагматического уровней структуры языковой личности первого енисейского губернатора А.П. Степанова; установить его ключевые (эстетические, утилитарные и художественные) ценности.

Достижению поставленной цели служит решение следующих **задач**:

- 1) сформировать фактологическую и теоретическую базу исследования языковой личности в лингвоперсонологии;
- 2) выявить особенности лексико-семантических полей «Красота» и «Польза» в русском языке первой половины XIX в.;
- 3) установить способы вербализации ключевых ценностных концептов «Красота» и «Польза» в индивидуальной языковой картине мира языковой личности А.П. Степанова;
- 4) отметить общее и особенное в концептосфере первого енисейского губернатора;
- 5) определить характер использования прецедентных текстов как художественных ценностей в его сочинениях.

Источниками исследования послужили следующие разножанровые тексты первого енисейского губернатора (общее количество страниц – 1871):

Эпические жанры

1. *Роман*. Степанов А.П. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н.П. Маловым [Текст] : в 4 ч. СПб. : Типография Александра Смирдина, 1835. – Ч. 1. [4], 317 с. – Ч. 2. [4], 284 с. – Ч. 3. [4], 251 с. – Ч. 4. [4], 251 с.

2. *Книга очерков*. Степанов А.П. Енисейская губерния [Текст]: в 2 ч. – СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. – Ч. 1. [4], II, [2], 7-276. – Ч. II. [2], II, 139, [2], XIV с., [2] л. ил.

3. *Очерк*. S. Взгляд на физическое положение Минусинского округа енисейской губернии [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 108-113 пер. сч.

4. *Путешествие*. S. Путешествие в Кяхту из Красноярска [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 1-98 пер. сч.

Лироэпические жанры

1. *Лирическая поэма*. Суворов, лирическая поэма Александра Степанова [Текст]. – М.: Университетская типография, 1821. – 228 с.

2. *Отрывок из поэмы*. S. Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною (отрывок из поэмы) [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 83-86 втр. сч.

Лирические жанры

1. *Стихотворение*. Степанов А. Поэзия и Музыка [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 3-17 втр. сч.

2. *Стихотворение*. S. З – у («От страсти Вертер застрелился...») [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 71 втр. сч.

3. *Стихотворение*. Степанов А. Песня (сочинена во время плавания по Енисею в Туруханск) [Текст] // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. – С. 91-92 втр. сч.

Из разножанровых источников с помощью сплошной выборки выделено свыше 600 лексических единиц, вербализующих концепты «Красота» и «Польза» в ИЯКМ ЯЛ, и около 400 знаков, вводящих прецедентные тексты в дискурс А.П. Степанова.

Методы исследования. В процессе работы мы руководствовались принципами антропоцентризма, системности и функционализма, которые находят широкое применение в современном языкознании. При анализе ЯЛ Степанова А.П. используется *описательный метод*, который реализуется в приёмах наблюдения, сопоставления, обобщения, типологизации, интроспекции и интерпретации. *Полевой метод* применяется для построения семантических полей лексем «красота» и «польза» в русском языке XIX в. Семантические сети (далее – СС) используются в качестве наглядного выражения ЛСП «Красота» и «Польза» в русском языке XIX в. и как графическое средство представления полей концептов в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова. *Фреймовый анализ* необходим для структурирования сложных узлов в семантических сетях, представляющих поля концептов в ИЯКМ А.П. Степанова. *Контекстуальный анализ* используется для того, чтобы выявить особенности функционирования прецедентных текстов в дискурсе А.П. Степанова. Кроме того, контекстуальный анализ привлекается в изучении значимости языковых единиц, представляющих концепт. *Элементы количественного анализа* позволяют выявить частотность языковых единиц, вербализующих концепты «Красота» и «Польза».

Новизна работы определяется следующим:

во-первых, вовлекаются в научный оборот письменные памятники, прежде не исследованные лингвистами;

во-вторых, заполняется одна из лакун в истории русского национального языка в результате исследования семантических полей «Красота» и «Польза» в русском языке XIX в.;

в-третьих, концепты «Красота» и «Польза» впервые изучаются в картине мира исторической языковой личности XIX в.;

в-четвёртых, отмеченные концепты рассматриваются как две взаимообусловленные ценности на материале текстов разных жанров;

в-пятых, в работе получила дальнейшее развитие методология исследования ИЯКМ;

в-шестых, впервые в практике лингвистического исследования подробно изучаются прецедентные тексты с целью выявления художественных ценностей ЯЛ XIX в.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут послужить дальнейшему развитию теории и практики лингвистической персонологии, внедрению современных методов и подходов к реконструкции и анализу языковой личности. Полученные результаты дают возможность с уверенностью судить о диалектической связи ИЯКМ и концептосферы личности. Представленный в работе

лингвокогнитивный подход изучения творческой языковой личности позволяет сделать объективные выводы о духовных, эстетических и утилитарных ценностях русского этноса, что особенно актуально на современном этапе, так как на рубеже XX – XXI вв. чрезвычайно возрос интерес к проблемам национального характера, мировоззрения отдельной личности.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в обобщающих работах по лингвистической персонологии и лингвистической концептологии, истории русского литературного языка, общему языкознанию, на курсах по выбору в вузах гуманитарного профиля. Характеристика личности А.П. Степанова имеет большое культурно-историческое значение. Отдельные фрагменты работы могут найти применение в курсе лингвокраеведения и в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту.

1. Индивидуальную языковую картину мира А.П. Степанова ярко репрезентируют концепты «Красота» и «Полезьа», которые являются ценностными доминантами русской культуры конца XVIII – первой трети XIX в.
2. В ИЯКМ языковой личности А.П. Степанова категории «эстетическое» и «утилитарное», представленные концептами «Красота» и «Полезьа», находятся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, прекрасное и полезное равноправны по своей значимости; с другой, – противопоставлены друг другу. При этом в зависимости от контекста либо красота первостепенна по значимости, либо польза.
3. Концепты «Красота» и «Полезьа» квалифицируются нами как аксиологические, поскольку они связаны с категориями эстетического и утилитарного отражения мира.
4. Для А.П. Степанова эстетически значимо гармоничное единство внутренней и внешней красоты человека и природы.
5. «Полезьа» как положительная ценность значима для А.П. Степанова в общественно-политическом, экономическом и культурном плане.
6. Религиозная доктрина христианства (совокупность представлений в виде образов, символов) глубоко связана в сознании языковой личности А.П. Степанова с античными мифологическими традициями. Индивидуальную языковую картину мира А.П. Степанова отражают не только христианские и мифологические прецедентные тексты, но прецедентные тексты, источником которых является отечественная и зарубежная художественная литература.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре общего языкознания Красноярского государственного университета им. А.П. Астафьева (2005, 2006, 2007 гг.). Основные положения исследования были представлены в докладах на научных мероприятиях разного уровня (международного – 6, всероссийского – 5, регионального – 5, межвузовского – 2, внутривузовского – 2), среди которых: международная конференция «Актуальные проблемы современной филологии: теория и практика» (Красноярск, КрасГУ, 21-23 сентября 2005 г.), I Международная научная конференция «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, КемГУ, 29-31 августа 2006 г.), V Всероссийская конференция молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, ТГУ, 26-27 марта 2004 г.), межрегиональная научно-практическая конференция «Этнокультурное пространство региона и языковое сознание» (Тюмень, ТюмГУ, 11-12 октября 2005 г.), X Филологические чтения имени Р.Т. Гриб (Лесосибирск, ЛГПИ, 4-5 апреля 2005 г.) и др. Результаты исследования отражены в материалах научных конференций. По теме диссертации опубликовано 25 работ, одна из которых представлена в рецензируемом издании. Кроме того, в настоящее время ещё 1 статья находится в печати. Публикации автора по теме диссертации в общей сложности составляют 9 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения; основной части, которая включает две главы; заключения; списка литературы и словарей, использованных в

исследовании, перечня источников прецедентных текстов и четырёх приложений (в отдельном томе).

Основное содержание работы

Во **введении** рассматриваются научные достижения, которые определили современное развитие лингвоперсонологии; характеризуются подходы к изучению языковой личности; обосновывается актуальность выбранной темы, объекта и предмета исследования, определяются цели и задачи работы; даётся характеристика разножанровых источников исследования; раскрывается научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту, подробно описывается методология и структура исследования.

Первая глава «Лингвокогнитивный уровень структуры языковой личности А.П. Степанова» состоит из трёх параграфов: «Семантические сети и фреймы как средства представления концептов в картине мира языковой личности», «Индивидуальная языковая картина мира и концептосфера личности как объект лингвистического исследования», «Эстетическое (прекрасное и безобразное) и утилитарное (полезное и вредное) как ценности в картине мира языковой личности». Первые два параграфа посвящены теоретико-методологическим основам исследования (Волкова, 2004; Гынгазова, 2004; Караулов, 1987; Лютикова, 1999; Маслова, 2004; Осипова, 2005; Попова, 2004; Ясинская, 2004 и др.). В определении природы концепта у лингвистов нет единой точки зрения. В качестве рабочего определения понятия «концепт» в данной диссертации принято следующее: **концепт** – это важное в социокультурном отношении понятие, которое представляет ценность, выраженную средствами языка определённой личностью (см. аналогичн.: [Шмелёв, 2002, 2005]). В отношении **концепта** также нам близка позиция В.И. Карасика, который выделяет ценностное в качестве одного из важнейших измерений концепта (Карасик, 2004: 129). Концепты «Красота» и «Полезность» являются важнейшими в социокультурном отношении вербализованными идеями, значимыми для личности. Выбор данных концептов обусловлен их значимостью в ИЯКМ А.П. Степанова, возможностью посредством их анализа установить особенности восприятия и оценки действительности языковой личностью первой трети XIX в. Кроме того, концепты «Красота» и «Полезность» относятся к числу наиболее значимых в концептосфере русского этноса первой трети XIX в. – периода, который характеризуется борьбой нескольких культурных тенденций: классицизма, сентиментализма, романтизма и зарождающегося реализма. На этом фоне рассматривается вербализация концептов в ИЯКМ А.П. Степанова. В процессе исследования сочинений А.П. Степанова было установлено, что наибольшей частотностью (количеством употреблений) в его дискурсе обладают лексемы, вербализующие понятия: *красота* / безобразие (420); *польза* / вред (254); *государь* (132); *вера* (138); *истина* / *правда* (178); *добро* / *зло* (170); *жизнь* / *смерть* (170); *дух* (145); *душа* (143); *тело* (110); *любовь* / *ненависть* (140); *долг* (140); *образование* (75); *путешествие* (75); *счастье* (70); *дружба* (60); *ответственность* (69); *пространство* (58); *свой* / *чужой* (55); *воспитание* (55); *страсть* (48); *надежда* (43); *страдание* (40) и др.

Под **индивидуальной языковой картиной мира**, вслед за В.А. Масловой, мы понимаем модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определённый исторический период (Маслова, 2004: 41-43). Концептосфера личности является конкретным воплощением (формой) индивидуальной картины мира.

Выявленные на основе лексикографических источников семантические поля «Красота» и «Полезность» являются основой для установления индивидуального отражения концептов «Красота» и «Полезность» в ИЯКМ губернатора А.П. Степанова.

В работе определён состав и структура ЛСП «Красота» в русском языке первой половины XIX в. Данное ЛСП насчитывает около пятисот лексических единиц. В

ядерную зону ЛСП входят полисеманты «краса» и «красота» [САР 2, 1814: 385, 386; Даль II: 185, 186; СЯзК: 265, 266; СЯзП II: 389, 395].

В **околоядерную** зону ЛСП «Красота» входят:

1. Синонимы и варианты всех ЛСВ имени поля: ЛСВ-1 'свойство прекрасного или совокупность качеств, которые представляют собой единство внешнего и внутреннего': *прекрасное*. ЛСВ-2 'красивая внешность, красивый внешний вид': *красивость, баса, басина, басота, пригожестъ, пригожество, хорошество, картина, благовидность* и др. ЛСВ-3 'то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]': *изящество, грация* в знач. 'о поэтическом искусстве, исполненном прелести и изящества' и др. ЛСВ-4 'красивая женщина, красавица': *красавица, красёна, красотка, пригожатка, басёнка, басиха, грация, хорошиха, славёнка (твр.), славнуха (арх.)* и др.

2. Антонимы всех ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: *безобразие, безобразность*. ЛСВ-2: *некраса, дурнота, невзглядность* в знач. 'внешняя некрасивость чего-л.' и др. ЛСВ-4: *дурнушка, дурничка, дурнышка, некрасавица*.

3. Словообразовательные дериваты имени поля: *краса* → *красивый, красный, красоваться, красить* (кого, что); *красота* → *красотный* и др.

К границе между околоядерной и периферийной зонами нами отнесены: 1. Языковые единицы, находящиеся в деривационных отношениях с дериватами имени поля и друг с другом: *красивый* → *красивенький, некрасивый* → *некрасиво*; *красный* → *прекрасный* → *прекрасно*, *красовитый* → *красовито*, *красотный* → *красотничать* и др. 2. Синонимический ряд с доминантой «красивый» – *пригожий, приглядный, взрачный, видный, живописный, чудовый, чудовзрачный* и др. 3. Синонимический ряд с доминантой «некрасивый» – *безобразный, невзглядный, неключий* в знач. 'невзрачный', *дурнотный, плохой* в знач. 'дурной, некрасивый' и др.

Периферийную зону ЛСП «Красота» образуют лексические единицы, которые вступают в деривационные, синонимические и антонимические отношения с лексическими единицами околоядерной зоны. 1. Единицы синонимического ряда, близкие по значению лексеме «красивый»: *завлекательный, заманчивый, заманный* в знач. 'привлекательный, соблазнительный', *соблазнительный, приманчивый* и др. 2. Лексические единицы, связанные деривационными отношениями с синонимами имени поля и друг с другом: *казанка, казисто, казистый* (связаны со словом *казистость*) и др. 3. Лексические единицы, связанные деривационными отношениями с антонимами имени поля и друг с другом: *безобраза, безобразица, безобразина* (связаны со словами *безобразие, безобразность*); *урод, уродование, уродовать* (связаны со словом *уродливость*) и др. 4. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с членами синонимического ряда с доминантой «красивый»: «привлекательный» – *привлекать, привлечь, влечь, увлечь, увлечься, привлекательность, привлекательно* и др. 5. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с членами синонимических рядов «завлекательный», «приятный»: «завлекательный» – *завлекать, завлечь, завлекательно, завлекательность*; «приятный» – *приятно, приятность, приятство* и др. 6. Семантические и семантико-стилистические синонимы дериватов околоядерной зоны: «красавец» – *смазень, басёнок, баскала, пригожник, хорошая, прекрасник* и др., «красоваться» – *жемчужиться, картиниться, изяществовать, казотиться* и др. 7. Синонимы дериватов периферийной зоны: «урод» – *невзора, дурныш* и др. 8. Устойчивые сочетания: *красная девица, соединять / соединить <сочетать> полезное с приятным, в рожу (на рожу, с рожки) счастлив* и др. 9. Паремии с единицами ЛСП: *Красота приглядлива, а деньги не докучат (приданое). Лицом хороши, да душою не пригож* и др. 10. Лексические единицы, которые вербализуют другие ЛСП: «Моральные качества», «Благо / добро», «Искусство» и др., но связаны своими дифференциальными значениями с ЛСП «Красота» (*великодушный* – 'обладающий высокими нравственными

качествами, величиим души’, *любоваться* – ‘рассматривать кого-л., что-л. красивое с восхищением, удовольствием’ и др.).

Анализ ЛСП «Красота», который осуществлялся с опорой на этимологические, исторические, толковые словари, словари языка писателей, показал, что в языке русского этноса идея красоты имеет большое значение, является ценностной категорией, в которой отразились эстетические представления носителей языка.

Содержание ЛСП «Красота» в русском языке XIX в. является той языковой основой, на фоне которой рассматриваются **особенности вербализации концепта «Красота» в ИЯКМ ЯЛ А.П. Степанова**. Концепт «Красота» выражен в текстах А.П. Степанова как эксплицитно, так и имплицитно. **Эксплицитное** выражение концепта «Красота» представлено в следующих узлах СС поля концепта: “Красота”, “Красота внутреннего мира человека, его морального облика”, “Внешняя красота явлений действительности, внешняя красота человека”, “Красота искусства и творческой деятельности личности”, “Безобразия”. **Имплицитный** способ выражения концепта отражён в таких узлах СС, как “Красота цвета”, “Приятность”, “Идея красоты, реализованная в прецедентных текстах”, “Смежные концепты”. Последний узел представлен контекстами с лексемами других полей концептов.

Эксплицитно выраженные узлы семантической сети структурируются в виде фреймов. Согласно М. Минскому, фрейм не есть система концептов, а только одна из форм её наглядного представления. Выявляя структуру фрейма, мы используем понятие «слот». Слоты – это характеристики ситуации (или в нашем случае – характеристики концепта), которая описывается фреймом. В работе выявляется: 1) количество слотов во фрейме; 2) собственно значения, которые являются заполнителями слотов; 3) языковые единицы, которые формируют основные и дополнительные значения, семы, выражающие смысл концепта; 4) количество употреблений отмеченных языковых единиц в сочинениях А.П. Степанова; 5) тексты, в которых зафиксированы соответствующие языковые единицы; 6) особенности синтагматических связей языковых единиц, вербализующих концепт в сочинениях А.П. Степанова. Кроме того, в процессе анализа мы указываем, в каких формах (эксплицитных или имплицитных) представлен (вербализован) концепт.

К эксплицитно выраженному узлу “Красота”, который мы рассматриваем в виде суперфрейма, отнесена полисемантическая лексема «красота» в отмеченных выше значениях (см. ЛСВ имени поля на стр. 8). В структуру суперфрейма входят все значения лексем, вербализующей ценностный концепт в ИЯКМ А.П. Степанова. Значения лексем «красота» составляют содержание слотов (слот № 1 “*Внешнее и внутреннее выражение прекрасного*”, слот № 2 “*Внешне выраженная красота*”). Нами отмечено следующее значение в рамках слота № 1: ‘единство внутренней и внешней красоты человека’ (3 употребления). В романе «Постоялый двор» при описании танцующих на балу А.П. Степанов размышляет: *Не так ли проходят четы брачные по паркету жизни? Не так ли сталкивает их случай? Не так ли в нравственном и физическом отношении красота сливается с красотой; красота мешается с уродством <...> Я сидел в углу и смотрел долго на этот человеческий калейдоскоп* [ПД III: 99-100]. Вторым значением слота № 1 является ‘небесная красота, озарившая лицо человека’: *когда под сводами храма раздалась торжественная хвала Господу (благодарственный молебен после таинства венчания – Н.Б.), она пришла в такой божественный восторг, что все черты лица ея изменились в красоте неизъяснимую; она сама, казалось, вмещала в себе ангелов, архангелов, херувимов и серафимов* [ПД III: 247].

В контекстах, отнесённых к слоту № 2 “*Внешне выраженная красота*”, лексема «красота» употребляется в 3 значениях. Частотным является функционирование лексем в значении ‘красивая внешность, красивый внешний вид’ (около 100 употреблений): *красота весьма нужна для любви; нет ничего милее смотреть на супругов, одарённых красотой* [ПД IV: 136-137]. В структуру слота № 2 входят два других значения лексем «красота», функционирование которых не является частотным в дискурсе А.П. Степанова:

1) 'то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства [мн.ч.]' (ЛСВ-3): *Не думайте однако же, чтоб она не умела различать красот <...>* [ПД III: 131]; *она любовь, науки, лиру, / И все в Природе красоты / Одна в себе самой вмещает* [ПМ: 18]. А.П. Степанов наслаждается природной внешней красотой и способностью окружать себя тем, что нравится: *город (Петербург – Н.Б.) изменился красотою* [ПД IV: 68]; *она искала его (необыкновенное – Н.Б.) в красотах и могуществе природы* [ПД IV: 220];

2) 'красивая женщина, красавица' (ЛСВ-4): *(Княжна – Н.Б.) погружена в науки; чего, однако же, вовсе не заметно. Я видел девственную красоту во всё её блеске* [ПД II: 264]; *образец красоты небесной... Житель неземной в пределах мира... Гармония Бога и природы...* [ПД III: 176].

Ценностный концепт «Красота» представлен в сочинениях А.П. Степанова лексически и грамматически. Лексический способ выражен в определяемых словах к имени концепта (около 50 употреблений): *красоту неизъяснимую, при настоящей красоте, образцовой красоте* и др. Значение словосочетаний складывается из конструкций, имеющих форму: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Тв. п.; гл. + сущ. П. п. В 27 конструкциях существительное «красота» находится в объектном значении. Частотным является беспредложное управление, где существительное используется в единственном числе (*одарённых красотою, равняться красотою, <черты> изменились в красоту, славятся красотою, природа в дикой красоте*), реже – во множественном (*собрание красот, под властью красот*). В сочинениях А.П. Степанова существительное «красота» чаще семантизируется прилагательными, реже – местоимениями. Употребляя прилагательные, енисейский губернатор актуализирует многообразные виды красоты *дикая, девственная, возвышенная, увядающая, небесная, моя* и др.

Более чем в 10 конструкциях лексема «красота» имеет субъектное значение: *красота всем нужна, красота не дана в удачу, красота определяется по пропорции* и др. Не частотны сочинительные конструкции (10 употреблений): *люблю вкус и красоту, красотою и нежностью, красота и приятность, ужас и красы* и др. Данная синтагматическая связь выражает значимость для личности таких понятий, как «приятность», «вкус», «нежность», «польза», а также «физическая сила» и «ужас». Последнее понятие отмечено в связи с высокой степенью эстетического потрясения, которое испытывает автор при виде грозы или в момент прослушивания музыкального произведения, передающего в звуке состояние природы: *пускай гроза, / Бушующая грозно на вершине / Альпийских гор, в огнях зарниц / Красу и ужас образует* [ПМ: 20]. Лексическая и грамматическая репрезентация лексемы «красота» в сочинениях А.П. Степанова свидетельствует о значимости для енисейского губернатора такой положительной ценности, как «красота».

Далее последовательно рассмотрены в виде фреймов все эксплицитно и имплицитно выраженные узлы семантической сети, представляющей концепт «Красота» в ИЯКМ А.П. Степанова. Концепт «Красота» репрезентирован преобладающими формами прилагательного (53 %), существительного (28 %), наречия (19 %) и глагола (2 %).

В ходе исследования установлено, что своеобразие эстетической оценки в русской концептосфере заключается в том, что духовные ценности главенствуют над материальными, красота внешняя противопоставляется внутренней, внешнее уродство – внутренней красоте. Однако номинации внешней красоты превосходят названия внутренней красоты (аналогично см.: Мещерякова, 2004). В дискурсе А.П. Степанова преобладают контексты, в которых раскрывается чувственно воспринимаемая красота мира. При этом встречаются контексты, где раскрывается моральная нечистоплотность человека, однако отмечается его внешняя привлекательность. Контекстов, в которых выявляется душевное богатство и внешняя неприглядность, гораздо меньше. Воспринимая красоты природы как художник, А.П. Степанов размышляет о возможных преобразованиях подвластной человеку местности. Его мысли о прекрасном начале в

природе связаны с мечтами о благополучной жизни людей и целого государства, которое должно направлять свои силы на благоустройство Сибири. Для А.П. Степанова несомненна приоритетность духовной красоты.

Отдельный фрагмент первой главы посвящён ещё одному ключевому концепту в ИЯКМ А.П. Степанова – концепту «Польза». Его также предваряет анализ ЛСП «Польза» в русском языке первой половины XIX столетия. В состав данного ЛСП входит около трёхсот лексических единиц. В **ядерную зону** ЛСП «Польза» входит лексема «польза» и её ЛСВ, связанные друг с другом деривационно-ассоциативными отношениями: 1) 'хороший, положительный результат, благотворное для кого-, чего-н. воздействие'; 2) 'выгода, прибыль'; 3) 'барыш, нажива'; 4) 'прок'; 5) 'интересы, нужды'; 6) 'помощь, подспорье' [САР 2, 1814: 1436; Даль III: 267; СЯзК: 407; СЯзП III: 522].

В **околоядерную зону** ЛСП «Польза» входят:

1. Синонимы и варианты ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: благо, добро. ЛСВ-2: выгода, прибыль, доход и др. ЛСВ-3: барыш, нажива, корысть, выигрыш, попользуха. ЛСВ-4: прок, толк. ЛСВ-5: интерес, нужда, пригода, потреба и др.

2. Антонимы ЛСВ имени поля: ЛСВ-1: вред. ЛСВ-2: убыль, расход. ЛСВ-3: убыток, ущерб, урон, изъян и др. ЛСВ-4: истора.

3. Дериваты имени поля: полезный, пользующий, пользительный, использовать и др.

К границе между околоядерной и периферийной зонами нами отнесены: 1. Языковые единицы, находящиеся в деривационных отношениях с дериватами имени поля и друг с другом: **пользовать** → *попользовать*, **пользовщик**, **полезный** → *полезно*, *полезность*, **бесполезный** → *бесполезно* и др. 2. Синонимический ряд с доминантой «полезный»: *здоровый*, *благотворный* в знач. 'приносящий благо, пользу чему-л., кому-л.', *благодетельный* и др. 3. Синонимический ряд с доминантой «вредный»: *нездоровый*, *вредоносный*, *злоторный*, *зловредный* и др.

К периферии ЛСП «Польза» относятся: 1. Единицы синонимического ряда, близкие по значению лексеме «полезный»: *благоприятный* в знач. 'благотворный, полезный', *выигрышный*, *выгодный* и др. 2. Единицы синонимического ряда, близкие по значению слову «вредный»: *гибельный*, *губительный*, *пагубный*, *погибельный* и др. 3. Лексические единицы, находящиеся в деривационных отношениях с синонимами имени поля и друг с другом: *благой* – 'полезный, благоприятный'; *добрый* – 'добрый, полезный в знач. сущ.', *прибыльный*, *прибыльность*, *прибыточный* и др. 4. Лексические единицы, которые находятся в деривационных отношениях с антонимами имени поля и друг с другом: *убыльный*, *убыльно*; *ущербный*, *ущербно* и др. 5. Дериваты членов синонимического ряда с доминантой «полезный»: *здорово*, *пользительно*, *благотворно* и др. 6. Дериваты членов синонимического ряда с доминантой «вредный»: *вредоносно*, *злоторно*, *болезнетворно* и др. 7. Синонимы дериватов околоядерной зоны: «корыстный» – *своекорыстный*, *корыстолюбивый* и др. 8. Синонимы дериватов периферийной зоны: «расходы» – *траты*, *затраты*, *издержки* и др. 9. Гипонимы слова «доход» в значении 'материальная польза, прибыль': *славенная денъги* в знач. 'доход священника со славления Христа по домам', *славленные доходы* в знач. 'доходы духовенства' и др. 10. Устойчивые сочетания, фразеологизмы: *в пользу*, *пойти в прок*, *что прибыли* и др. 11. Паремии: *Хоть нет барыша, да слава хороша*. *Не доходами наживаются, а расходами* и др. 12. Языковые единицы, вербализующие другие семантические поля, однако системно связанные с единицами поля «Польза». Так, в составе производных лексемы «польза» содержится слово «душеполезный». Оно не входит в состав околоядерной зоны, но принадлежит к периферии ЛСП «Польза», так как образовано от двух основ: душ- и полезн-. Первая основа слова устанавливает связь ЛСП «Польза» с ЛСП «Душа». Синонимом прилагательного «душеполезный» является прилагательное «душеспасительный» в знач. 'служащий к пользе, спасению души'. В ходе исследования установлена связь ЛСП «Польза», ЛСП «Спасение» и ЛСП «Красота». Об этой связи свидетельствует наличие на

периферии ЛСП «Польза» таких лексем, как *пригожий*, *хороший*, которые имеют в своём составе семы 'полезный', 'приятный', 'удобный', 'красивый', 'привлекательный'.

Границы ЛСП «Польза» на всей их протяженности проницаемы. Об этом свидетельствует тот факт, что в его периферийную зону входят языковые единицы, которые служат средством вербализации других семантических полей (ЛСП «Душа», «Красота», «Торговля» и др.). Языковые данные позволяют утверждать, что понятие пользы (для Отечества, семьи, отдельной личности), вопреки мнению об иррациональности русского характера, было актуальным для этноса в XIX столетии.

Отмечено, что лексические единицы ЛСП «Польза», выявленные в языке XIX в., весьма частотны в дискурсе енисейского губернатора. В сочинениях А.П. Степанова лексема «польза» употребляется в 44 контекстах. Как уже отмечалось, полисемант «польза» в языке XIX в. насчитывает 6 значений. В сочинениях А.П. Степанова выявлены 4 из них: 1) 'ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный'; 2) 'выгода, прибыль'; 3) 'барыш, нажива'; 4) 'прок'. В ходе исследования установлено, что поле концепта в ИЯКМ А.П. Степанова содержит семантические узлы: «Польза», «Благо», «Выгода», «Вред». Отмеченные узлы представлены **эксплицитным способом** выражения ценностного концепта «Польза». **Имплицитный способ** репрезентации концепта в ИЯКМ А.П. Степанова обнаруживаем в таких семантических узлах, как «Языковые единицы, создающие текстовую ситуацию утилитарного оценивания» и «Языковые единицы, вербализующие смежные концепты».

В суперфрейм «Польза» входит не только полисемантическая лексема «польза» в её основном и дифференциальных значениях, но и синоним имени концепта (*интерес*). Лексема «польза» нередко используется А.П. Степановым в составе метафоры (*искра пользы ... разгорается ... и пылает*) и в составе устойчивого сочетания (*в пользу*).

Признаки концепта *идеально выраженная польза; материально выраженная польза; польза как прибыль; польза как прок, смысл* в суперфрейме «Польза» являются слотами, содержание которых выражается в таких значениях: 'польза как прибыль для кого / чего'; 'польза как прибыль исходит от кого / чего'.

В контекстах, отнесённых к слоту № 1 "*Идеально выраженная польза*", лексема «польза» употребляется в основном значении 'ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный'. Языковое окружение лексемы «польза» указывает, для кого / чего и к кому / чему относится рассматриваемая ценность: а) для отечества и соотечественников; б) для самодержавия; в) для науки, отечественной истории и русской нации; г) для Енисейской губернии; д) для города Красноярска; е) для здоровья (остяков). В контекстах, наряду с основным значением, актуальными оказываются семы 'благо' и 'государство' (в словосочетаниях «с пользой государственной» и «на пользу жителей»), а также 'спокойствие, стабильность', 'любовь', 'выгода' (в словосочетании «собственную пользу»): *Я вижу их (жителей Енисейской губернии – Н.Б.) на этом пространстве, как группу младенцев, играющих на помосте Ватикана в Риме. <...> Я обнимаю их промышленность, торговлю и прибыли, но, взвешивая их собственную пользу с пользой государственною, нахожу, что вся выгода склоняется на пользу жителей, а не казны, которая, получая несколько более миллиона, употребляет половину на расходы* [ЕГ II: 193].

Рассматриваемые в структуре суперфрейма «Польза» слоты *польза как выгода; польза как прибыль; польза как прок, смысл* определяются по характеристикам, которые соотнесены со значениями лексемы «польза».

По характеру реализации языковых единиц слот № 2 "*Материально выраженная польза*" является частотным в сочинениях А.П. Степанова (около 20 употреблений). Его содержание реализуется в значении 'польза как выгода'. У данного значения выявлены следующие оттенки: а) польза от фабричного производства для общества, для казны: <...> *позволено учреждать всякия фабрики сообразно пользе казённой* [Пут.: 5] и др.; б) польза от деятельности человека для производства и общества: <...> *При сем пламенном усердии*

своём **к пользе** вверенной ему части, он пользуется счастьем служить под начальством генерал-губернатора... [Пут.: 18]; в) материальная польза от дружеских, миролюбивых отношений: <...> **маленькие воеводы были вовсе безопасны для правительства, и хотя прижимали диких, воровали, но не грабили: ибо собственная польза состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля** [ЕГ II: 185] и др.; г) польза, которую приносят животные: **Едва ли какой зверь доставляет пользы в сём крае более серны** [ЕГ I: 106].

Слот № 3 “Польза как прибыль” реализован в значении ‘материально выраженная польза’, которое имеет следующие оттенки: а) польза для казны, промышленности: **бумажная сия фабрика есть значительная, по предполагаемой от нее пользе в будущем...** [ЕГ I: 98]; б) польза для конкретных людей: **Лебеди, по крайней мере, доставляют пользу русским промышленникам, которые употребляют для себя или выпускают по малости в продажу** [ЕГ I: 95].

Одно употребление реализует содержание слота № 4 “Польза как прок” в значении ‘толк, смысл обширных сведений’: **Круг сведений европейских крестьян несравненно обширнее в сравнении с сибирскими <...> но вся обширность их сведений не включает в себе никакой пользы, ибо неправильное понятие о большом количестве предметов, которые им встречались, составляет до того чудовищную смесь в уме их, что они даже затрудняются передавать идеи свои словами** [ЕГ II: 174].

Анализ синтагматических связей имени концепта в сочинениях А.П. Степанова является важным компонентом структуры данных суперфрейма “Польза”. Существительное «польза» синтаксически связано с прилагательными, причастиями и однократно с местоимением. Используя определения при существительном, А.П. Степанов акцентирует внимание на разновидностях понятия «польза», которое вступает в определённые отношения с другими понятиями. Прилагательные *общественная, государственная, казённая, личная, собственная* актуализируют взаимосвязь противопоставленных понятий «общественное» – «личное». Прилагательные *величайшая, совершенная, истинная*, входя в языковое окружение существительного «польза», актуализируют сему ‘благо’. Таким образом, в концепте «Польза» реализуется ценностная составляющая. Для А.П. Степанова очевидна значимость пользы в жизни общества и личности.

Концептуализация лексемы «польза» проявляется, в частности, в следующих конструкциях: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Дат. п.; прил. + сущ. в Дат. п. В подавляющем числе контекстов лексема «польза» выступала в объектном значении. Только в двух контекстах имя поля «польза» имеет значение субъекта: **Не одна страсть к этой пище возбуждает в них столь сильное побуждение, но величайшая польза** [ЕГ I: 153]; **собственная польза состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля** [ЕГ II: 185].

Из 14 именных словосочетаний в десяти существительное «польза» является стержневым (*польза отечеству – употреблено 5 раз, на пользу жителей, на пользу света, польза от казаков, к пользе ...части, по пользе в будущем*); в четырёх – зависимым (*искра пользы, сил для пользы, <при усердии> к пользе, заманчивость... по пользе*).

Из 23 глагольных словосочетаний наряду с частотным (18 раз) беспредложным управлением, встречаются случаи предложного управления (6 раз): *приносящему пользу, доставлять пользу, способствует пользе, взвешивая пользу, склоняется на пользу, <признают> пользу, согласовать к ... пользе, споспешествовать пользе, посвящали на пользу, пополнять пользой, служащими к пользе, заключают пользу, не ищите ...пользы, послужило ... к пользе, извлекают пользу, не заключает пользы, не повредила пользе и др.* Как зависимый компонент слово «польза» встречается в частотных словосочетаниях глагольно-падежного управления.

Отмечается единичное сочетание предлога с существительным «польза» в дательном падеже: *поступить сообразно пользе*. Однократно проявляется связь лексемы «польза» с придаточным определительным: *Труды имеют заманчивость... по той пользе, которую*

приносят [ЕГ I: 153]. Также однократно словосочетание *значительная по ... пользе*, где стержневое слово прилагательное, зависимое – существительное «польза». Синтагматические связи слова «польза» обусловлены нелингвистическими связями объектов реальной действительности. Именно они отражают содержание мысли в предложении.

Далее в работе последовательно рассмотрены в виде фреймов все эксплицитно выраженные узлы семантической сети, представляющей концепт «Польза» в ИЯКМ А.П. Степанова, а имплицитно выраженные узлы семантической сети описаны с помощью интерпретативного и контекстуального анализов. В репрезентации концепта преобладают прилагательные (41 %), часто используются существительные (34 %), реже встречаются глаголы (18 %) и наречия (7 %).

Анализ концепта «Польза» в ЯКМ языковой личности показал, что в реализации утилитарной ценности «польза» и её противоположности всегда содержатся указания на то, для кого / чего и при каких обстоятельствах нечто является вредным / полезным. Настоящий языковой материал через контекст актуализирует понятийную составляющую ценностного концепта «Польза» и указывает, что польза способствует реализации общечеловеческих, государственных, групповых, региональных или личных интересов. Анализ контекстов с языковыми единицами, вербализующими концепт, позволяет утверждать, что польза вызывает у человека, группы лиц, правительства удовлетворение от деятельности, она стимулирует созидательную и познавательную деятельность личности, общества, государства на благо края, социальной группы, на благо природы или человека. В сочинениях А.П. Степанова вредом признано то, что подавляет личность, интересы целого общественного слоя людей, граждан, живущих в определённой местности. Угнетение жизни подданных Российского императора расценивается А.П. Степановым как неудовлетворительная деятельность органов управления, злоупотребления власти на местах. По его мнению, местные власти наносят вред государству, мешают реализации общественных и государственных интересов. Вред подрывает созидательную деятельность, свидетельствует об отсутствии у людей любви к своей отчизне.

Исследование концепта в концептосфере ЯЛ выводит анализ на уровень воссоздания ИЯКМ личности. Очерчивая рамки мира, получая знания, человек постигает их смысл благодаря окружающей среде. Несомненно, что активность влияния среды, её сфера действия обусловлена (определяется) широтой интересов человека, объёмом уже имеющихся знаний личности. Получение и накопление знаний связано с потребностью личности к познанию мира.

В ходе исследования была установлена связь концептов «Красота» и «Польза» определены логико-методологические основы категорий «красота» и «польза», найдено их общее родовое понятие – «ценность». Для личности енисейского губернатора фрагменты концептосферы, которыми признаны концепты «Красота» и «Польза», являются ценностными, культурными доминантами.

В результате исследования получены доказательства того, что ИЯКМ представляет собой множество взаимосвязанных концептов, находящихся в определённых отношениях. На формирование ИЯКМ личности А.П. Степанова повлияли такие факторы, как социальный статус, возраст, род занятий, национальность. ИЯКМ А.П. Степанова является итогом этапа познания действительности. Она представляет лаконичное, концентрированное выражение сущности мира в различных формах его отражения. Сущность выражается в понятиях через их общие признаки, в идеях и концепциях через систему взглядов.

Вторую главу «Прагматический уровень структуры языковой личности А.П. Степанова» открывает параграф, посвящённый теории прецедентных текстов (далее – ПТ). Вслед за Ю.Н. Карауловым, Е.В. Иванцовой, Ю.А. Сорокиным, И.М. Михалёвой В.Д. Лютиковой, Ю.Е. Прохоровым, В.Г. Костомаровым, Н.Д. Бурвиковой и др.

рассматриваются такие дискуссионные вопросы, как: 1) проблема соотносимости понятия прецедента и ПТ, синонимичности терминов «прецедент», «ПТ», «прецедентный знак»; 2) проблема статуса невербальных явлений в теории прецедентности; правомерность широкого понимания ПТ; 3) проблема источников исследования прецедентных феноменов; 4) проблема правомерности отнесения прецедентного имени, прецедентного высказывания к прецедентным феноменам, вводящим ПТ и / или ситуации; 5) проблема критериев, положенных в основу типологии ПТ. Под *прецедентным текстом*, вслед за Ю.Н. Карауловым, понимаем распространённые, неоднократно воспроизводимые и значимые для личности тексты, знание которых отражает определённый культурный уровень личности и позволяет говорить о её мировидении (Караулов, 1987).

В исследовании анализируются вербальные ПТ как единицы лингвокогнитивного уровня языковой личности А.П. Степанова.

В процессе анализа выявлены различные способы ввода ПТ в ткань исследуемых сочинений. Кроме прямого и скрытого цитирования, А.П. Степанов нередко обращается к номинативному способу ввода ПТ. Прямое цитирование является эксплицитным способом отражения ПТ. Скрытое цитирование, номинативный и референтный типы реализации ПТ соотносимы с имплицитным способом отражения ПТ. К эксплицитному способу отражения ПТ относим следующие основные приёмы, воплощённые в сочинениях А.П. Степанова: точный фрагмент текста (прямое цитирование); цитата в функции эпиграфа; высказывание, близкое к генерализованному.

Например, *точный фрагмент текста (цитата)* представляет собой высказывание с указанием на источник. При этом введенный фрагмент текста-источника органично входит в авторский текст и служит средством аргументации языковой личности. Такое цитирование находим в сочинении «Суворов, лирическая поэма»: *И ничто же не ново под солнцем. Иже возглаголет и речет: се сие ново есть; уже бысть в вещех бывших прежде нас (Эклес. Гл. 1.)* [Сув.: 6]. Цитата из «Книги Екклесиаста, или Проповедника» предваряет текст поэмы А.П. Степанова. Автор оформляет цитату разрядкой. Данный фрагмент библейского текста помогает А.П. Степанову вписать своё произведение в литературный контекст, объяснить обращение к вечным нравственно-этическим темам. *Песнь моя далека от того, чтоб нарушать нравственность*, – пишет автор в «Предуведомлении» к поэме, – *Она стремится доставить удовольствие, которое составляет важную цель человеческой жизни, если основано на невинности и благородстве. Может быть, живое изображение любимца русского народа и воинов доставит соотечественникам моим сие удовольствие. Может быть, новость песни прибавит цветок очарования* [Сув.: 7].

К имплицитному способу отражения ПТ относим *скрытую цитату*, формой выражения которой является аллюзия и реминисценция. В стихотворном послании «З – у» находим скрытое цитирование (аллюзию): *От страсти Вертер застрелился, / Сошёл с ума великий Тассе; / А ты, рождённый для проказ, / От сумасшествия влюбился!* [З – у: 71]. Имя литературного героя Вертера вводит текст сентиментального романа Иоганна Вольфганга Гёте «Страдания юного Вертера». Также А.П. Степановым упоминается и имя итальянского поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо (1544 – 1595), личности с трагической судьбой. Данные имена составляют референтный способ введения прецедентных текстов. Однако по отношению к адресату послания эти имена входят в антиреферентную группу, что подчёркнуто противопоставлением с союзом «а», придающим шутливый оттенок посланию: *от страсти ... застрелился, сошёл с ума ..., а ты ... от сумасшествия влюбился* [З – у: 71].

Заглавие стихотворения А.П. Степанова «Поэзия и Музыка» можно причислить к форме выражения скрытой цитаты, актуализированной благодаря реминисценции, которая относит читателя к античной диалоговой традиции, продолженной в поэзии XIX века. Так, в произведениях А.С. Пушкина, любимого поэта А.П. Степанова, встречаем заглавия «Разговор книгопродавца с поэтом», «Поэт и толпа». Содержание текста А.П.

Степанова составляет полемику двух видов искусств. Спор представлен аллегорическими образами, имеющими метафорическую природу. Другой пример скрытой цитаты, актуализатором которой явилась реминисценция, находим в первых строках стихотворения «Поэзия и Музыка». На вопрос Поэзии о причинах главенства Музыка разворачивает космогоническую картину, языковые средства которой вводят текст Лукреция «О природе вещей» (Лукреций, 1946). В тексте А.П. Степанова отмечаем: *Даёт мне древность право, честь! / Бессмертна силою своею, / Я есть сопутница Творца; / Я вечность существом имею; / Я без начала и конца* [ПМ: 3].

В работе отмечены интертекстуальные смыслы, которые актуализированы знаками, вводящими ПТ. Именно смыслы, которые заключены в ПТ, обладают для языковой личности ценностью. Авторские сочинения открыты для воплощения широкого спектра интертекстуальных смыслов – от преемственности до конфронтации. С нашей точки зрения, каждый спектр интертекстуальных смыслов в сочинениях А.П. Степанова имеет свои уровни реализации, среди них:

1. Уровни реализации смысловой преемственности.

1.1. *Дополнение как смысловая перспектива, заданная новым текстом исходному, предшествующему тексту или образу.* В лирической поэме «Суворов» в сильной позиции (в начале текста) находятся введённые А.П. Степановым **заглавия** произведений Гомера, Вергилия и Платона (даны без кавычек), а также имя "Аристотель": *Илиада, Одиссея, Энеида и жестокий Аристотель у меня перед глазами – нет! Это не Поэма эпическая* [Сув.: 5]. Знаки, отражающие ПТ, входят в антиреферентную группу, которая определяет жанровую и эстетическую противопоставленность текста А.П. Степанова. К антиреферентной группе другого плана (морально-этическая противопоставленность) примыкает фрагмент, вводящий имя римского философа Платона: *Песнь моя не заключает в себе высокой нравственности. Ах! Сколько видим новых книг, достойных «Республики» платоновой, и лучше ли от того мир нравственный?* [Сув.: 5].

1.2. *Актуализация отдельных, избранных фрагментов, чёткое выделение основного смысла, смыслового ядра и его периферии, фоновых смыслов.* Так, А.П. Степанов был убеждён, что формирование личности человека складывается под влиянием искусств. Для аргументации всепоглощающей силы Музыки и Поэзии енисейский губернатор обращается к мифологическим текстам, текстам античных авторов, актуализаторами которых являются имена собственные. А.П. Степанов использует приём трансформации текста-источника, подчиняя его своему замыслу: *Захочу, - и строю грады. / Заиграет Амфион, - / И гранитные громады, / Исполняя струн закон, / Стройно делятся, ложатся, / Равновесие хранят; / Там столпы из них родятся, / Там большие своды врат; / И от звуков мусикийских / Стены Фивски возросли* [ПМ: 6]. Упоминание имени героя Амфион и употребление словосочетания «стены Фивски» вводят мифологический текст о братьях-близнецах – Зете и Амфионе, сыновьях Зевса, которые служили примером двух принципов отношения к жизни: деятельного и созерцательного. Трансформируя известный миф, А.П. Степанов сознательно устраняет образ Зета, так как ему нужно продемонстрировать значимость творчества. Подобным образом поступали некоторые художники XVII-XVIII вв., которые изображали рост стен Фив под звуки лиры Амфиона. Этот сюжет был распространён и в итальянском музыкально-драматическом искусстве (Мифы I: 72-73), которое, без сомнения, было известно А.П. Степанову. Он неоднократно бывал в Европе, слушал и созерцал произведения итальянских мастеров. Енисейский губернатор, вводя имя одного Амфиона, словно подчёркивает созерцательный принцип отношения к жизни.

2. *Переходный уровень реализации разнонаправленных интертекстуальных смыслов – сочетание смысловой преемственности и смысловой конфронтации.* Так, в отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиноу» отмечен случай двойной функциональной нагрузки наименования фурий. Имя этих богинь встречается в римских мифологических текстах. В монологах Прозерпины актуализировано назначение фурий –

приносить наказание за грехи. Прозерпина причисляет Менту к богиням мести и угрызений совести: *Кто дал тебе силу, о Фурий подруга! / ничтожной красою морочить богов? / У грозной богини похитить супруга? / От мысли столь странной волнуется кровь!* [ПНММ: 84]. Вводом в текст слова «фурии» А.П. Степанов актуализирует неистовство богинь мести, а, следовательно, и любовную дерзость Наяды. Но последующие строки позволяют установить связь фурий с Прозерпиной, а не с Ментой: *«Кто дал тебе силу унижить презреньем / Меня, Прозерпину?» И Мента с смиреньем, / Потупивши взоры, сказала: «любовь!» / «Так будь же на веки с любовью своею: / <...> Измучься в желаньях ты жизнью сею!»* [ПНММ: 85]. Таким образом, наименование фурий в риторическом обращении к Наяде усиливает грозный образ мстительной Прозерпины.

3. Уровень реализации смысловой конфронтации – *смысловая трансформация исходного текста, его фрагмента или образа в соответствии с замыслом языковой личности автора*. Например, в дискурсе А.П. Степанова текст «Ветхого Завета» вводится в форме скрытого цитирования, актуализированного реминисценцией как средство демонстрации незыблемого порядка (ср. Книги Ветхого Завета. Бытие, 1,10, 14, 15, 17, 18; Быт., 1, 31). В стихотворении «Поэзия и Музыка» отмечаем: *Упали камни, / И ветр возшумел. / Воздушны владенья / Царь света одел / Златыми лучами / Порфиры своей. / С большими морями / Сошелся ручей, / Что тихо в долине / Зеленой журчит...* [ПМ: 4]. А.П. Степанов трансформирует ветхозаветные дни (периоды) творения, не упомянув о создании живых существ, в том числе и о человеке. Это связано с художественным замыслом: центральными образами произведения являются искусства (поэзия и музыка). Енисейский губернатор мифологизирует процесс создания Музыка и Поэзии, в формировании образов которых используются отмеченные прецедентные тексты. Поэтический спор, в котором каждый из видов искусства доказывает своё превосходство, сопричастность к Творцу, есть «вербализованная версия» (Караулов, 1987: 257) раздумий самого автора о значимости для него как для представителя человечества поэзии и музыки. Он размышляет о влиянии двух искусств на формирование личности, о единстве и гармонии музыкального и поэтического начала в развитии эстетического вкуса человека. Для личности А.П. Степанова была важна сопричастность к этим двум началам. Для него как человека, тонко чувствующего и способного по достоинству оценить произведения искусства, обращение к этой поэтической теме не является случайным. А.П. Степанов мифологизирует поэзию и музыку, в этом процессе ПТ играют значительную роль, являясь средством создания образов и способом аргументации автора.

В ходе исследования установлено, что обращение А.П. Степанова к образам христианской культуры свидетельствует о его православном сознании. Это проявляется в выражении милосердия и сострадания к ближнему, в стремлении осудить грех, а не человека, в желании обрести успокоение в приобщении к церковным таинствам. Текст «Книги книг» служит источником размышлений над литературно-художественными проблемами, помогает аргументировать авторскую позицию, является стилистическим средством и, наконец, демонстрирует широту кругозора А.П. Степанова, его нравственные и эстетические ориентиры. В своём последнем романе «Постоялый двор» А.П. Степанов часто обращается к тексту «Евангелия». Священный христианский текст вводится на страницы романа именем *Спаситель* и местоимением *Он*. В ранних сочинениях встречаются только имена *Бог*, *Вседержитель*.

Прибегая к античным и библейским образам, енисейский губернатор, с одной стороны, сохраняет традиционное содержание культурных знаков (миф о расправе Персефоны над соперницей в отрывке из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною»), с другой стороны, подвергает их структурно-семантической трансформации (лирическая поэма «Суворов», стихотворение «Поэзия и Музыка»).

А.П. Степанов продолжает поэтическую традицию обращения к образам греко-римской античности и христианской культуры. Поэтические пространства античности и

христианства стали источником формирования языковой картины мира А.П. Степанова. Енисейского губернатора как цивилизованного человека XIX в. питала мировая европейская культура, которую взрастила греческая цивилизация. Антропоцентричность греческого искусства находит своё отражение в сочинениях А.П. Степанова. Его интересовала личность и плоды её творчества в области науки, искусства, в сфере государственной деятельности. Обращают на себя внимание поэтические предпочтения А.П. Степанова. Губернатор А.П. Степанов апеллирует в литературном творчестве не столько к гражданской тематике и соответствующим образам, сколько воспекает триумф искусств и любовных наслаждений. Примером тому служат стихотворение «Поэзия и Музыка», отрывок из поэмы «Превращение Наяды Менты в мяту Прозерпиною», стихотворное послание «З – у» («От страсти Вертер застрелился...»). Поэтика классицизма находит своё отражение в его лирической поэме «Суворов». В ней ярко проявляются гражданские мотивы.

В **заключении** содержатся выводы исследования, в ходе которого было установлено, что ценностные концепты «Красота» и «Польза» отражают двойственность и многомерность натуры первого енисейского губернатора. Исследование данных концептов приводит нас к установлению типа языковой личности А.П. Степанова как личности деятельностно-созерцательной. Деятельностная сторона личности А.П. Степанова проявляется в его рациональном взгляде на устройство общества, на торгово-экономические, хозяйственные взаимоотношения людей во внутренней и внешней политике. Созерцательная сторона его натуры проявляется в любовании окружающей природой, произведениями искусства, гармоничными людьми.

Концепты «Красота» и «Польза» представляют ядерную зону концептосферы ЯЛ А.П. Степанова. Установлено, что эстетическое восприятие енисейского губернатора свободно от утилитарного восприятия, которое лежит в основе эстетической оценки конкретных явлений действительности. В вербализации данных концептов он в полной мере использовал лексические ресурсы русского языка. Анализ концептуализации таких ценностей, как «красота» и «польза» показал, что их репрезентация в сочинениях А.П. Степанова имеет индивидуальные черты. Рассмотренные средства репрезентации концепта «Польза» в сочинениях А.П. Степанова позволяют сделать вывод о высокой степени значимости пользы для его личности. Для первого енисейского губернатора служение отечеству было высочайшим смыслом жизни, оно осознавалось как сохранение и приумножение духовных и материальных богатств отчизны. В отличие от многих авторов художественной литературы первой половины XIX в., А.П. Степанов никогда не использовал эпитет «презренная» к лексеме «польза». Польза, по А.П. Степанову, есть единство личного и общественного положительного результата. Личная польза признаётся ценностью только в том случае, если она направлена на благо общества и не вступает в противоречия с интересами окружающих. В репрезентации концепта «Красота» у А.П. Степанова больше общих черт с вербализацией данной ценности в русской культуре. Частотными являются контексты, в которых внутренняя красота доминирует над внешней. К дворянину он предъявляет значительно больше моральных требований, чем к крестьянину. В его сочинениях чаще встречается подробное описание внешней красоты женщин высшего общества, нежели описание красоты мещанок или крестьянок. Природа европейской части России не занимает его внимания. А.П. Степанова привлекает мощь и совершенство сибирской природы, красоты которой он сопоставляет с красотой итальянского ландшафта. Губернатора отличает художественный взгляд на природу, творения которой он признаёт наивысшим мастерством. Представление о красоте произведений искусства, в том числе прикладного, связано в его сознании с шедеврами античного искусства и архитектуры.

К числу безусловных художественных ценностей А.П. Степанова относится литературное наследие Античности, а также русская и западноевропейская литература XVIII – нач. XIX вв. Использованные им прецедентные тексты, авторами которых

являются Гесиод, Овидий, Аполлоний Родосский, Ферекид, Платон, Пиндар, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Г.Р. Державин, Шиллер, Гёте и др., свидетельствуют об интеллектуальных и эстетических предпочтениях енисейского губернатора.

Далее следует **список** научной литературы, который насчитывает 472 наименования; список словарей, включающий 17 наименований, перечень анализируемых сочинений А.П. Степанова с условными сокращениями и список источников прецедентных текстов, который составляет 38 произведений.

Приложение I «Очерк жизни и деятельности А.П. Степанова» представляет собой жизнеописание первого енисейского губернатора.

Приложение II «Схемы, раскрывающие характер отношений между рассматриваемыми понятиями» наглядно демонстрирует связи категорий «ценность», «эстетическое», «утилитарное» с понятиями «прекрасное», «безобразное», «полезное», «вредное».

Приложение III «Вербализация концепта “Красота”» составили контексты из сочинений А.П. Степанова, сгруппированные по двум разделам, которые включают:

I – контексты, эксплицитно выражающие концепт «Красота»;

II – контексты, имплицитно выражающие концепт «Красота» в текстовой ситуации эстетического оценивания.

Приложение IV «Вербализация концепта “Польза”» содержит следующие разделы:

I – контексты, эксплицитно выражающие концепт «Польза»;

II – контексты, имплицитно выражающие концепт «Польза» в текстовой ситуации утилитарного оценивания.

Общий объём четырёх приложений – более 100 а. л.

Объём диссертации – 237 л., из них 173 л. составляет основной текст.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых научных журналах:

1. Бурмакина, Н.А. Лексико-семантическое поле «Польза» в русском языке XIX века // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Русский язык: системный и функциональный аспекты». 2006. № 111. Декабрь. – С. 87-94 (0, 3 п.л.).

Другие публикации по теме диссертации:

2. Бурмакина, Н.А. Об идиостиле первого енисейского губернатора А.П. Степанова (на материале путевых заметок «Путешествия в Кяхту из Красноярска») / Н.А. Бурмакина // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции. Ч I. (Смоленск, 30-31 марта 2004 г.). – Смоленск: Смоленское обл. книж. изд. «Смядынь», 2004. – С.66-71 (0, 3 п.л.).

3. Бурмакина, Н.А. Губернатор А. Степанов – честность, преданность отечеству / Н.А. Бурмакина // Красноярская газета. – 25 мая 2004. - № 39 (1320). – С. 2-3 (0, 6 п.л.).

4. Бурмакина, Н.А. О мифологических реминисценциях в стихотворении первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Русский язык и литература в Сибири / отв. ред. К.В. Анисимов, О.В. Фельде. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – С. 90-98 (0, 5 п.л.).

5. Бурмакина, Н.А. Из наблюдений над средствами языковой выразительности в поэтическом диалоге первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Интеллект-2004: сб. материалов Межрегион. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных / [сост.: Л.В. Полевая]; КрасГУ, КРО НС «Интеграция», СИБУП, - Красноярск, 2004. – С. 55-59 (0, 3 п.л.).

6. Бурмакина, Н.А. Стилиевые доминанты первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Материалы V Всероссийской конференции молодых учёных (Томск, 26-27

- марта 2004 г.) / отв. ред. А.А. Казаков. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – Вып. 5. – Ч. 2: Лингвистика. – С. 17-21 (0, 3 п.л.).
7. *Бурмакина, Н.А.* Языковая личность (ЯЛ) как объект научного исследования / Н.А. Бурмакина // Молодёжь и наука – третье тысячелетие: сб. материалов Всероссийской науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных / [сост.: В.В. Сувейзда]; ГУЦМиЗ, КРО НС «Интеграция». – Красноярск, 2004. – С. 115-118 (0, 3 п.л.).
8. *Бурмакина, Н.А.* 170 лет со дня издания в Санкт – Петербурге книги Енисейского губернатора Александра Петровича Степанова «Енисейская губерния» / Н.А. Бурмакина // Край наш Красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2005 год / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; [сост.: Г.М. Гайнутдинова, Н.В. Фефелова]. – Красноярск, 2004. – С. 163-165 (0, 2 п.л.).
9. *Бурмакина, Н.А.* Номинативный способ введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности (на материале стихотворений первого енисейского губернатора А.П. Степанова) / Н.А. Бурмакина // Художественный текст: варианты интерпретации: труды X межвузовской науч.-практич. конф. (Бийск, 16-17 мая 2005 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 66-75 (0, 5 п.л.).
10. *Бурмакина, Н.А.* Языковая личность как центральное понятие антропоцентрических исследований XX века / Н.А. Бурмакина // Художественный текст: варианты интерпретации: труды X межвузовской науч.-практич. конф. (Бийск, 16-17 мая 2005 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 75-77 (0, 2 п.л.).
11. *Бурмакина, Н.А.* Цитирование как способ введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности (на материале стихотворения «Поэзия и Музыка» первого енисейского губернатора А.П. Степанова) / Н.А. Бурмакина // Молодёжь и наука – третье тысячелетие: сб. материалов Всероссийской науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных / [сост.: В.В. Сувейзда]; ГУЦМиЗ, КРО НС «Интеграция». – Красноярск, 2005. – С. 9-15 (0, 4 п.л.).
12. *Бурмакина, Н.А.* Средства языковой выразительности в сочинении первого енисейского губернатора А.П. Степанова «Путешествие в Кяхту из Красноярска» / Н.А. Бурмакина // Мир и язык: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 205-211 (0, 4 п.л.).
13. *Бурмакина, Н.А.* Структурно-семантическая характеристика знаков, вводящих прецедентные тексты в дискурсе енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Грамматика. Семантика. Концептология: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 103-108 (0, 3 п.л.).
14. *Бурмакина, Н.А.* Отражение диалектной лексики лексикографического фрагмента «Енисейской губернии» А.П. Степанова в словаре В.И. Даля и в словарях северных и южных районов Красноярского края / Н.А. Бурмакина // Грамматика. Семантика. Концептология: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 34-42 (0, 4 п.л.).
15. *Бурмакина, Н.А.* О диалектной лексике книги очерков «Енисейская губерния» первого гражданского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Русские народные говоры: История и современность: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф., посвящённой 50-летию диалектологической работы в Арзамас. государ. пед. ин-те (6-8 октября 2005 г.) / отв. ред. Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 51-55 (0, 3 п.л.).
16. *Бурмакина, Н.А.* Межтекстовые связи как проявление интертекстуальности в сочинениях первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Культура и текст – 2005: Сб. тр. Международной конф.: в 3 т. / под ред. Г.П. Козубовской. – СПб.; Самара; Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 200-208 (0, 5 п.л.).
17. *Бурмакина, Н.А.* Языковая личность, «образ автора» и образ оратора в лингвистической концепции В.В. Виноградова / Н.А. Бурмакина // Виноградовские чтения: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. 23-24 ноября 2005 года. – Тобольск: ТГПИ им Д.И. Менделеева, 2005. – С. 39-41 (0, 3 п.л.).

18. *Бурмакина, Н.А.* Сентиментальные тенденции жанра «путешествий» в произведении первого енисейского губернатора А.П. Степанова «Путешествие в Кяхту из Красноярска» / Н.А. Бурмакина // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: Материалы науч.-практич. конф. Тюмень, 11 октября 2005 г. / под общ. ред. Н.К. Фролова: в 2 ч. Ч. 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – С. 79-82 (0, 2 п.л.).
19. *Бурмакина, Н.А.* Книга очерков первого Енисейского губернатора о вверенном ему крае / Н.А. Бурмакина // Книжная культура Сибири: материалы региональной науч.-практич. конф., 18-19 октября 2005 г., г. Красноярск / Агентство культуры адм. Краснояр. края, Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; [сост. Л.Н. Жуковская; отв. за вып. Т.И. Матвеева]. – Красноярск: ГУНБ, 2006. – С. 72-77 (0, 3 п.л.).
20. *Бурмакина, Н.А.* Стилистическая характеристика языка «Путешествия в Кяхту из Красноярска» первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация. VII международная науч.-практич. конф. Ин-та междунар. связей «Перевод и межкультурная коммуникация» / ред. кол. [Бродский М.И. и др.]. – Екатеринбург: АМБ, 2005. – С. 9-11 (0, 1 п.л.).
21. *Бурмакина, Н.А.* Образцы мировой культуры в сочинениях первого енисейского губернатора (лексико-семантический аспект) / Н.А. Бурмакина // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов международной науч. конф. на факультете филологии и журналистики, 21-23 сентября 2005 г. / Федерал. агентство по образованию, Краснояр. гос. ун-т; [отв. ред. А.П. Сковородников]. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – С. 184-198 (0, 3 п.л.).
22. *Бурмакина, Н.А.* Прецедентные тексты в стихотворении «Поэзия и Музыка» первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XI филологических чтений им. Р.Т. Гриб (1928 – 1995) / [отв. Б.Я. Шариуллин]. – Вып. 6. – Красноярск: КрасГУ, 2006. – С. 106-112 (0, 4 п.л.).
23. *Бурмакина, Н.А.* Прецедентные тексты как средство объективации высшего уровня структуры языковой личности (на материале стихотворений первого енисейского губернатора А.П. Степанова) / Н.А. Бурмакина // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы I Международной конф. (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4 ч. / [отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименов]. – Кемерово: Юнити, 2006. – Ч. 4. – (Серия «Филологический сборник» Вып. 8.). – С. 244-250 (0, 3 п.л.).
24. *Бурмакина, Н.А.* Способы репрезентации концепта «красота» в эпических текстах первого енисейского губернатора А.П. Степанова / Н.А. Бурмакина // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы I Международной науч. конф.: в 2 ч. [Редкол. Э.Г. Айрапетова и др.]. – Ч. I. 21-23 сентября 2006 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – С. 87-94 (0, 4 п.л.).
25. *Бурмакина, Н.А.* Концепт «Польза» в индивидуальной языковой картине мира языковой личности первой трети XIX века / Н.А. Бурмакина // IV Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. 12-13 сентября 2006 г. / под ред. К.В. Анисимова, О.В. Фельде; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2007. – С. 427-437 (0, 5 п.л.).
26. *Бурмакина, Н.А.* Вербализация утилитарной ценности в лексеме «польза» (на материале сочинений первого енисейского губернатора А.П. Степанова) / Н.А. Бурмакина // Новокузнецкий государственный педагогический институт. Новокузнецк, 2007 (в печати с апреля 2007; 0, 4 п.л.).